

ЗВЕРИНЕЦ

Астра Вранеш

Астра Вранеш

Зверинец

«Автор»

2026

Вранеш А.

Зверинец / А. Вранеш — «Автор», 2026

Вика Громова мечтала о спокойной научной карьере. Вместо этого она получила ночную смену в секретном институте, полный странных подопытных, которых официально не существует. Когда все клетки открываются одновременно, а опасные создания разбегаются по комплексу, становится ясно: это не авария. Это чей-то тщательно подготовленный план. Теперь Вике предстоит пережить самую длинную ночь в своей жизни. Вместе с молчаливым охранником, невозмутимой заведующей лабораторией и существом, подозрительно похожим на кота-осьминога, ей придётся искать сбежавших монстров, разбираться в тайнах института и выяснить, кто именно открыл клетки. Проблема в том, что самые опасные хищники могут оказаться вовсе не теми, кто сидел за решёткой. Страшно. Смешно. Очень опасно.

© Вранеш А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЗВЕРИНЕЦ	5
Глава 1. Отличная карьера	5
Глава 2. Хорошие новости и плохие новости	9
Глава 3. Светлана Борисовна знает, что делает	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Астра Вранеш Зверинец

ЗВЕРИНЕЦ

Глава 1. Отличная карьера

Моя мама всегда говорила, что с дипломом биолога я буду сидеть без работы. Мама ошибалась. Я нашла работу почти сразу. Другой вопрос, что мама, узнав об этой работе, сказала, что лучше бы я сидела без работы.

Называлась она «младший научный сотрудник, отдел мониторинга» в НИИ «Горизонт». Звучит прилично, правда? Почти как в кино. НИИ, горизонт, исследования. Мне тоже понравилось, когда я читала объявление.

Реальность была несколько проще. Четыре этажа бетонного здания в сорока километрах от Москвы, посреди леса, плохой интернет, столовая с запахом советской капусты и моя работа — следить за показателями датчиков в виварии. Виварий — это там, где содержат подопытных животных. Мышки, крысы, кролики.

Официально.

О неофициальной части мне рассказали на третий месяц работы, когда я прошла все проверки и подписала столько бумаг о неразглашении, что рука устала. Меня завели в нижний корпус — корпус «Б», куда раньше я ходить не имела права — и показали, что там.

Я стояла в длинном коридоре с рядами металлических клеток и пыталась сформулировать вопрос. Это было сложно. Потому что то, что сидело в ближайшей клетке, смотрело на меня тремя глазами, и третий — горизонтальный — мигал как-то особенно неприятно.

— Вопросы есть? — спросил тогда завлаб Дмитрий Семёнович.

— Несколько тысяч, — ответила я.

— Со временем станет меньше, — пообещал он.

Он был прав. Через полгода у меня оставался только один вопрос: почему мне за это платят столько же, сколько платили бы в обычном виварии с обычными мышами?

Этот вопрос я задала Светлане Борисовне, нашему новому завлабу, которая появилась после того, как Дмитрий Семёнович ушёл на пенсию. Она посмотрела на меня поверх очков и ответила:

— Потому что официально этих животных не существует. Официально несуществующие животные в официальную зарплатную ведомость не вписываются.

— Логично, — сказала я.

— Рада, что понимаешь, — сказала она и вернулась к своему кофе.

Светлана Борисовна пила кофе в объёмах, несовместимых с жизнью нормального человека. Это и многое другое я знала о коллегах за год работы. Знала, что охранник Дима никогда не снимает куртку даже летом и не объясняет почему. Знала, что стажёр Кирилл боится объекта в клетке номер семь, хотя объект в клетке номер семь был размером с кулак и в целом напоминал ежа — если не считать того, что ёж обычно не умеет говорить человеческим голосом. Говорил объект семь немного, но неприятно. Он знал три слова: «привет», «иди сюда» и одно нецензурное.

Откуда выучил последнее — загадка. Кирилл подозревал Диму. Дима не отрицал.

В общем, к пятнице второй недели октября я освоилась. Не то чтобы привыкла — к некоторым вещам в нижнем корпусе привыкнуть нельзя чисто физически, потому что они на это и рассчитаны эволюцией или чем там ещё. Просто перестала каждый раз вздрагивать.

Почти.

В ту пятницу я осталась на ночное дежурство. Не потому что хотела — потому что Лёша из второй смены заболел, а я единственная, кто живёт в корпусе для сотрудников и кому не надо ехать домой. Светлана Борисовна попросила. Я не умею отказывать Светлане Борисовне — она смотрит так, что отказ буквально не выходит из горла.

— Ничего особенного, — сказала она мне в шесть вечера, надевая пальто. — Стандартный мониторинг, раз в два часа обход, журнал заполнить. Я буду на телефоне.

— Хорошо, — сказала я.

— Дима тоже дежурит, — добавила она. — В случае чего — он на первом посту.

— В случае чего — это что именно? — уточнила я.

Светлана Борисовна посмотрела на меня с тем выражением, которое у неё обычно означало «не задавай глупых вопросов».

— В случае чего, — повторила она и вышла.

Отличный ответ. Исчерпывающий.

До одиннадцати ночи всё было нормально.

Я сидела в комнате мониторинга на первом этаже корпуса «Б», ела принесённые из столовой бутерброды и смотрела в экраны. На каждом — своя клетка или вольер. Большинство объектов ночью спали или просто сидели тихо. Это было приятно. Тихие объекты — хорошие объекты.

Объект семь, правда, периодически говорил своё нецензурное слово в темноту, но к этому я привыкла.

В одиннадцать я пошла на обход. Взяла фонарик — освещение в корпусе «Б» было аварийным, тусклым, специально. Некоторые объекты плохо реагировали на яркий свет, и это было эвфемизмом. «Плохо реагировали» означало «начинали делать что-то, из-за чего потом приходилось долго заполнять отчёты».

Коридор был тихим. Пах, как всегда — чем-то животным, металлом и ещё чем-то, для чего у меня не было слова, но что я про себя называла «запах нелинейной биологии». Я шла вдоль клеток, светила фонариком, делала пометки в планшете.

Клетка один — норма. Клетка два — норма. Клетка три — объект спит, норма.

Клетка четыре — пусто.

Я остановилась.

Посветила ещё раз. Металлические прутья, пол, поилка, кормушка. Всё на месте. Объекта нет.

Объект четыре — это был примерно метровый экземпляр, похожий на помесь варана с чем-то, у чего слишком много суставов на каждой конечности. Быстрый. Умный, по оценкам исследователей, «выше среднего по группе». Я всегда старалась не встречаться с ним глазами — у него их было много, и каждый смотрел в свою сторону, что создавало неприятное ощущение, что он видит тебя со всех сторон одновременно.

Я устала в пустую клетку.

Потом медленно посветила фонариком на замок. Замок был открыт. Не сломан — открыт. Правильным образом, как будто кто-то знал код.

— Хорошо, — сказала я вслух.

Никто мне не ответил. Объект четыре тоже не ответил — потому что его тут не было.

Я достала телефон, чтобы позвонить Диме. В этот момент по всему коридору разом щёлкнули замки.

Все.

Я замерла, слушая, как один за другим открываются засовы — методично, слева направо, как будто кто-то идёт по списку. Клетка пять. Клетка шесть.

— Привет, — сказал объект семь из своей клетки.

— Взаимно, — машинально ответила я.

Клетка семь тоже щёлкнула.

Из темноты на меня смотрели глаза — много глаз, разного размера и цвета. Ни один из объектов пока не двигался. Они просто смотрели.

Я смотрела в ответ.

Потом я очень спокойно, стараясь не делать резких движений, начала пятиться к выходу. Телефон у меня в руке. Я набирала Диму, глядя вперёд, потому что смотреть на экран прямо сейчас было бы неосмотрительно.

— Дима, — сказала я, когда он взял трубку. — У нас маленькая проблема.

— Что случилось? — голос у него был такой же, как всегда. Спокойный, как у человека, которого ничем нельзя удивить. Я это качество в нём всегда ценила.

— Все клетки открылись.

Пауза.

— Все?

— Все, — подтвердила я.

— Иду, — сказал Дима и отключился.

Я почти дошла до двери, когда что-то мягкое, тёплое и явно многолапое приземлилось мне на плечо сзади. Я успела не закричать — только потому что сил не было. Скосила взгляд.

На плече сидело нечто размером с крупного кота, покрытое короткой серой шерстью, с восемью тонкими лапами и большими жёлтыми глазами. Объект одиннадцать. В документах он числился как «предположительно разумный, уровень интеллекта не установлен, социальное поведение нетипичное».

Он посмотрел на меня. Я посмотрела на него.

— Иди сюда, — сказал из темноты объект семь.

— Это не мне, — сказала я ему.

Объект одиннадцать устроился поудобнее на моём плече, обмотав две лапы вокруг моей шеи, и уставился в темноту коридора с таким видом, как будто тоже оценивал обстановку.

— Ладно, — сказала я. — Остаёшься пока.

Где-то в глубине корпуса что-то уронило металлический стеллаж. Грохот прокатился по всему этажу.

Дверь в конце коридора распахнулась и появился Дима — в куртке, как всегда, с фонариком и с чем-то, что я не успела рассмотреть в руке, но что явно было не штатным инвентарём ночного охранника.

Он посмотрел на пустые клетки. Потом на меня. Потом на объект одиннадцать у меня на плече.

— Сколько вышло? — спросил он.

— Понятия не имею, — ответила я. — Я насчитала открытых клеток двенадцать, но некоторые могут быть ещё закрыты.

— Объект четыре где?

— Я бы тоже хотела знать.

Дима осветил фонариком в темноту коридора. Темнота никак не отреагировала. Это было подозрительно — обычно темнота в корпусе «Б» реагировала. Хоть как-то.

— Светлана Борисовна знает? — спросил он.

— Звоню, — сказала я.

Пока я набирала номер, объект одиннадцать деловито переполз с моего плеча на голову.

— Слезь, — сказала я.

Он не слез.

Светлана Борисовна взяла трубку на втором гудке.

— Вика, — сказала она тоном человека, который ожидал звонка, но надеялся, что его не будет.

— У нас ЧП, — сказала я. — Все клетки открылись. Объекты вышли.

Долгая пауза.

— Все?

— Ну вот Дима тоже переспросил «все», — сказала я. — Да, все. Или почти все. Я ещё не успела до конца дойти.

— Поняла. — Голос у неё был абсолютно ровный. — Не паникуй. Я еду. Корпус «А» заблокируй, ключ у Димы. Объект четыре в корпус не выпускать.

— А как мне его не выпускать, если я не знаю, где он?

— Вика.

— Да?

— Не паникуй, — повторила она и отключилась.

Я посмотрела на Диму.

— Она едет.

— Сорок минут дороги, — сказал он.

— Угу.

Мы оба посмотрели в темноту коридора, из которой теперь доносилось несколько разных звуков — шорохи, что-то похожее на царапанье, и один звук, который я не могла идентифицировать, но который мне категорически не нравился.

— Дима, — сказала я.

— Что.

— Почему все клетки открылись одновременно?

— Хороший вопрос.

— У тебя есть ответ?

— Нет.

— Отлично, — сказала я.

Объект одиннадцать сидел у меня на голове и смотрел в темноту. Хвост — или что там у него было вместо хвоста — обматывался вокруг моего уха.

Из темноты на нас смотрели глаза.

Много глаз.

И где-то там — объект четыре, у которого их было особенно много, и каждый смотрел в свою сторону.

Сорок минут.

— Ну и отлично, — повторила я.

Глава 2. Хорошие новости и плохие новости

Хорошая новость состояла в том, что объект четыре не был в корпусе.

Плохая новость состояла в том, что мы не знали, где он был.

— Мог залезть в решётки вентиляции, — сказал Дима, когда мы с ним методично проходили по первому этажу, светя фонарями в каждый угол.

— Мог, — согласилась я.

— Или техническое помещение внизу.

— Или это, — согласилась я.

— Или он уже в корпусе «А».

— Давай не будем, — сказала я.

Дима замолчал. Это меня устраивало. Не потому что мне не нравился Дима — Дима был хорошим человеком и, насколько я могла судить, очень хорошим специалистом в том, чего я не понимала, но чему была рада в данный момент. Просто перечисление вариантов, каждый из которых был хуже предыдущего, не очень помогало моему душевному состоянию.

Объект одиннадцать всё ещё сидел у меня на голове.

Я уже дважды попыталась его снять. Он каждый раз возвращался с таким видом, словно это была его идея и я не имею к ней никакого отношения.

— Это нормально? — спросила я у Димы, указав на него взглядом, потому что обе руки были заняты — в одной фонарик, в другой планшет.

Дима посмотрел на объект одиннадцать.

— Нет, — сказал он.

— Но он не опасный?

— Официально нет.

— А неофициально?

— Нет данных, — сказал Дима.

— Это хуже, — сказала я.

— Значительно, — согласился Дима.

Мы дошли до конца коридора первого этажа. Все клетки открыты. Часть пуста — объекты ушли. Часть не пуста — и это была отдельная история, которую я пока старалась не трогать. Некоторые объекты из числа тех, что не ушли, смотрели на нас с совершенно определённым выражением. Объект семнадцать, например, которого в документах описывали как «преимущественно пассивный», сейчас стоял у прутьев открытой клетки и не уходил. Просто стоял. Смотрел.

— Почему он не уходит? — тихо спросила я у Димы.

— Не знаю.

— Ему нравится здесь?

— Или он ждёт чего-то.

— Чего именно?

— Не знаю, — повторил Дима.

Я сделала пометку в планшете. Потом ещё одну. Потом подумала и написала большими буквами: «ЗАЧЕМ Я ЭТО ЗАПИСЫВАЮ» — и удалила.

Мы вернулись в комнату мониторинга. Дима встал у стены, скрестив руки, и смотрел в экраны. Я поставила на стол планшет и тоже посмотрела в экраны. На экранах — пустые клетки. Тёмные коридоры. Кое-где движение.

— Сколько ушло, по-твоему? — спросила я.

— Семь или восемь.

— Из двадцати трёх.

— Да.

— Это хорошо или плохо?

Дима подумал.

— Зависит от того, какие именно семь или восемь.

Я посмотрела на список на стене. Список объектов, которых у нас было в корпусе «Б». Двадцать три позиции. Рядом с каждой — краткое описание и уровень опасности по внутренней шкале от одного до пяти.

Большинство были на уровне двойки или тройки. Пятёрка была одна. Объект четыре.

— Дима, — сказала я.

— Что.

— Пятёрка у нас только одна?

— Да.

— А четвёрки?

— Три.

— И где они?

Дима подошёл к списку. Молча ткнул пальцем в три позиции. Двадцатый, двенадцатый, восьмой.

Я нашла их на экранах мониторинга.

Двадцатый был в клетке. Спал, насколько я могла определить. Двенадцатый — тоже в клетке, у дальней стены, не двигался.

Восьмого не было.

— Восьмой, — сказала я.

— Вижу, — сказал Дима.

— Это плохо.

— Да.

— Насколько плохо?

Дима помолчал чуть дольше обычного. Для Димы это было как долгая пауза в театре.

— Четвёрка, — сказал он. — Не пятёрка.

— Это утешает?

— Немного.

— Хорошо. Буду утешаться этим.

Я опустила на стул, потому что ноги устали. Объект одиннадцать съехал с головы мне на плечо и снова обмотал две лапы вокруг шеи. Это было неудобно, но тепло, и я решила пока не возражать.

— Дима, — снова сказала я.

— Что.

— Ты когда-нибудь думал, что такое может случиться?

— Всегда думал, что может, — сказал он.

— И у тебя есть план?

— Приблизительный.

— Поделишься?

— Сначала ждать Светлану Борисовну, — сказал он. — Потом действовать по ситуации.

— Это не план, — сказала я. — Это надежда на план.

— Да, — согласился Дима.

Я не могла с этим спорить.

За стеной что-то прошуршало. Потом стихло. Мы оба посмотрели в сторону звука.

— Это кто? — тихо спросила я.

— Вероятно, восьмой.

— Он большой?

- Метр двадцать.
- В длину или в высоту?
- В высоту.
- Отлично, — сказала я.

Объект одиннадцать на моём плече насторожился. Все восемь его лап слегка сжались. Жёлтые глаза уставились в стену. Мне показалось, что это что-то означает, хотя я не была специалистом по поведению существ, которые официально не существуют.

— Он реагирует, — прошептала я Диме, кивнув на объект одиннадцать.

Дима посмотрел. Кивнул.

— Значит, точно восьмой.

— А почему объект одиннадцать его боится?

— Не знаю. — Пауза. — Но если боится, то нам тоже стоит.

Это была, пожалуй, самая длинная фраза, которую я слышала от Димы за всю ночь.

Я встала со стула очень медленно и очень тихо.

За стеной снова зашуршало. Ближе.

Объект одиннадцать прижался к моей шее теснее. Восемь лап — это много лап, и все они в данный момент цеплялись за меня с той степенью интенсивности, которая говорила: «Я не хочу оказаться на полу».

Я тоже не хотела оказаться на полу.

— Дима, — прошептала я.

— Да.

— У тебя в руке что?

— Это не важно.

— Это важно.

Дима помолчал.

— Транквилизатор, — сказал он.

— Подействует на восьмого?

— На четвёрку рассчитан.

— Хорошо.

— Но нужно попасть.

— Тоже хорошо. Ты попадёшь?

— Если увижу.

— А если не увидишь?

— Тогда нет.

Я закрыла глаза. Открыла. Посмотрела на дверь в коридор. Дверь была закрыта. За ней — тишина. Та особенная тишина, которую я уже научилась не любить за один вечер.

— Дима, — прошептала я в третий раз.

— Что, — так же тихо ответил он.

— Если сейчас что-то войдёт в эту дверь — ты же не дашь мне умереть первой?

Пауза.

— Постараюсь.

— Спасибо, — сказала я. — Это очень поддерживает.

Дверь не открылась.

Шуршание за стеной затихло. Объект одиннадцать чуть расслабил хватку. Я выдохнула — очень медленно, чтобы не спугнуть установившуюся тишину.

Потом у меня в кармане запиликал телефон.

Я взяла его с таким видом, с каким берут бомбу на разминировании. Экран — Светлана Борисовна.

— Да, — ответила я.

— Вика. Я в пути, буду через двадцать минут. Как обстановка?

— Восемь объектов предположительно вышли из клеток, — сказала я. — Объект четыре не найден. Объект восемь, судя по звукам, в западном крыле первого этажа.

— Понятно. — Пауза. — Вы в порядке?

— Относительно.

— Это значит «да» или «нет»?

— Это значит, что объект одиннадцать сидит у меня на плече и не слезает, и я не уверена, является ли это хорошим знаком или плохим.

Короткая пауза.

— Хорошим, — сказала Светлана Борисовна. — Одиннадцатый выбирает компанию осознанно.

— Это меня почему-то не успокаивает.

— Вика.

— Да?

— Не паникуй.

— Я не паникую, — сказала я. — Я методично переживаю.

— Это одно и то же.

— Нет. При панике я бы уже бежала. Я стою на месте. Это прогресс.

Светлана Борисовна помолчала секунду.

— Двадцать минут, — повторила она и отключилась.

Я убрала телефон. Посмотрела на Диму.

— Двадцать минут, — сообщила я ему, как будто он не слышал.

— Слышал.

— И что мы делаем эти двадцать минут?

— Ждём.

— Просто стоим и ждём?

— Да.

Я вздохнула.

— Ладно, — сказала я. — Тогда расскажи мне что-нибудь про восьмого. Чтобы я понимала, с чем мы имеем дело.

Дима помолчал. Это была обычная его пауза перед тем, как что-то сказать — не раздумывание, а как будто он взвешивал, стоит ли вообще говорить.

— Восьмой обозначен как «условно территориальный», — сказал он наконец.

— Что это значит?

— Что он не нападает без причины.

— Хорошо. А причины у него сейчас есть?

— Его клетку открыли без его участия. Он оказался на незнакомой территории. Вероятно, другие объекты тоже двигаются. — Пауза. — Причины есть.

— Замечательно, — сказала я.

— Но он не охотится на людей.

— Ещё лучше.

— Обычно.

— Дима, — сказала я.

— Что.

— Ты мог бы оставить «обычно» при себе?

— Мог бы, — согласился он. — Но ты спросила.

Это было справедливо.

Я посмотрела в экраны мониторинга. Восьмой коридор — движение. Что-то тёмное, быстрое, прошло через кадр. Я не успела рассмотреть.

Потом — тишина.

Потом — снова движение, в другом коридоре.

— Дима, — сказала я. — Он ходит по кругу.

Дима посмотрел на экраны.

— Да.

— Зачем?

— Изучает территорию.

— А потом?

— Потом либо успокоится, либо нет.

Я потёрла лицо ладонью. Объект одиннадцать тихонько переступил лапками у меня на плече. Потом сделал что-то совсем неожиданное — приложил одну маленькую лапу к моей щеке. Буквально на секунду. Как будто похлопал.

Я посмотрела на него.

Он посмотрел на меня большими жёлтыми глазами.

— Это жест поддержки? — спросила я у Димы.

Дима посмотрел на нас.

— Не знаю.

— Но выглядит как жест поддержки.

— Выглядит, — согласился он.

— Хорошо, — сказала я. — Спасибо, одиннадцатый.

Объект одиннадцать убрал лапу. Снова уставился в стену с тем видом, который я уже начинала читать как «я наблюдаю, я не сплю, всё под контролем».

Я не была уверена, что всё под контролем.

Но следующие семнадцать минут действительно прошли тихо.

А потом со стороны главного входа в корпус послышался звук — металлический, короткий — и в коридоре зажётся свет.

Светлана Борисовна вошла именно так, как она всегда всё делала. Без спешки, в пальто, с сумкой, и с термосом кофе.

Она окинула взглядом комнату мониторинга. Меня. Объект одиннадцать на моём плече. Диму.

— Хорошо, — сказала она. — Докладывайте.

Я открыла планшет.

И именно в этот момент где-то в глубине корпуса — там, куда уходил восьмой коридор — что-то издало звук. Не шуршание. Не шаги. Что-то среднее между криком и металлическим скрипом, на достаточно высокой частоте, чтобы у меня заньли зубы.

Светлана Борисовна остановилась.

— Восьмой? — спросила она у Димы.

— Он.

— Понятно. — Она поставила термос на стол, расстегнула пальто и деловито полезла в сумку. — Тогда сначала с ним разберёмся, потом доклад.

Я смотрела, как она достаёт из сумки то, что я сначала приняла за обычный фонарик. Потом пригляделась.

Это был не фонарик.

— Светлана Борисовна, — сказала я.

— Что, Вика?

— Что это?

Она посмотрела на предмет в своей руке. Потом на меня.

— Это инструмент, — сказала она.

— Я вижу. Какой именно?

— Тот, который заставит восьмого вернуться в клетку.

— Он... издаёт звук?

— Среди прочего.

— А среди прочего — что?

Светлана Борисовна закрыла сумку. Посмотрела на меня поверх очков с тем выражением, которое у неё означало «перестань задавать вопросы и иди за мной».

— Вика, — сказала она.

— Да.

— Ты помнишь, что подписала о неразглашении?

— Да.

— Хорошо. Можешь добавить к этому ещё один пункт.

— Какой?

— Что бы ты ни увидела следующие полчаса — никому. — Она надела очки поудобнее.

— Идёмте.

И пошла в коридор.

Дима двинулся следом немедленно.

Я стояла секунду. Смотрела на экраны. На пустые клетки. На тёмные коридоры. На точку на мониторе, где в восьмом коридоре снова мелькнула тень.

— Ладно, — сказала я вслух.

И пошла за ними.

Объект одиннадцать не слез с плеча. Крепче вцепился лапами в мой воротник и уставился вперёд с видом кота, который едет верхом и считает это нормальным.

Может, для него это и было нормальным.

Для меня — нет.

Но двенадцать часов назад у меня тоже была нормальная жизнь, и вот как оно обернулось.

Глава 3. Светлана Борисовна знает, что делает

Наверное.

Я шла за ней по коридору и очень старалась в это верить.

Светлана Борисовна шла уверенно и без фонарика — только со своим инструментом, который я так и не смогла идентифицировать. Дима шёл справа от неё, я — сзади. Объект одиннадцать на моём плече превратился в маленький пушистый радар — голова крутилась во все стороны, лапы периодически сжимались, потом расслаблялись.

Я начала воспринимать его реакции как систему раннего оповещения.

Лапы расслаблены — пока нормально. Лапы сжались — стоит насторожиться.

Лапы сжались очень сильно — бежать.

Пока лапы были в среднем состоянии.

— Светлана Борисовна, — сказала я.

— Тихо, Вика.

— Один вопрос.

— Потом.

— Быстрый вопрос.

Она остановилась. Обернулась. Посмотрела на меня с тем выражением, которое, как я уже выяснила за полгода работы, означало «говори, но имей в виду, что я запомню».

— Восьмой — он понимает речь?

Светлана Борисовна помолчала секунду.

— Частично.

— Что значит частично?

— Это значит, что громкие звуки он интерпретирует как агрессию, а тихие — как нейтральный сигнал. — Она снова повернулась и пошла вперёд. — Поэтому говорим тихо.

— Я и говорю тихо.

— Вика.

— Да.

— Ты не говоришь тихо.

Я закрыла рот.

Коридор восьмого крыла был длиннее, чем я его помнила. Или просто казался длиннее, потому что в конце него была темнота, а темнота в корпусе «Б» в час ночи — это не та темнота, которая бывает в обычных зданиях. Обычная темнота просто тёмная. Здесь темнота была как будто живая. Как будто в ней что-то есть.

Иногда что-то было.

Мы прошли половину коридора, когда объект одиннадцать резко сжал лапы.

Я остановилась. Дима тоже остановился — не потому что увидел мою реакцию, а потому что сам что-то почувствовал. Профессиональный рефлекс.

Светлана Борисовна сделала ещё два шага. Потом тоже встала.

Мы стояли и слушали.

Темнота впереди не двигалась. Но она как-то изменилась. Стала плотнее. Или это мне казалось — я всё ещё не исключала этот вариант.

Потом из темноты раздался звук.

Не тот металлический крик, что мы слышали раньше. Другой. Низкий, почти неслышимый, на границе восприятия. Что-то вроде урчания, только глубже. Как будто очень большой кот недоволен чем-то, но ещё не решил, стоит ли это демонстрировать в полную силу.

Объект одиннадцать на моём плече ответил на этот звук. Тихо, почти неслышно — что-то вроде ответного сигнала. Совсем короткое.

Темнота замолчала.

— Что он сделал? — шёпотом спросила я.

— Представился, — так же тихо ответила Светлана Борисовна.

— Серьёзно?

— Примерно так.

— И это помогло?

— Ждём.

Мы ждали. Секунды шли медленно, как бывает, когда очень хочется, чтобы они шли быстрее. Я считала дыхания — своё и Димы. Светлана Борисовна дышала так ровно, что я не слышала.

Потом темнота снова издала звук. Тот же низкий, почти инфразвуковой — но чуть короче. Как вопрос.

Объект одиннадцать ответил.

Снова тихо. Снова коротко.

Пауза.

И темнота в конце коридора начала двигаться.

Я почувствовала желание сделать несколько шагов назад, но усилием воли осталась на месте. Светлана Борисовна не двигалась. Дима не двигался. Значит, и я не двигаюсь.

Из темноты появился восьмой.

Я видела его раньше только на мониторе, маленьким и нечётким. Вживую он производил несколько иное впечатление.

Метр двадцать в высоту — это правда. В документах также было написано «двигается на четырёх конечностях, при необходимости встаёт на задние». Я теперь понимала, почему это было вынесено в отдельный пункт. Потому что когда ты видишь что-то метр двадцать на четырёх — это одно ощущение. А когда ты представляешь, что оно может встать, то получается уже хорошо за два метра. И это меняет восприятие.

Кожа у него была тёмная, почти чёрная, матовая. Без шерсти, без чешуи — просто такая кожа, которая поглощала свет вместо того, чтобы его отражать. Голова непропорционально большая, с широкой пастью, которая сейчас была закрыта. Глаза — два, это успокаивало, — светились слабым янтарным светом.

Он остановился в пяти метрах от нас.

Смотрел.

Объект одиннадцать на моём плече не двигался. Лапы — средняя степень сжатия. Критической паники нет.

— Светлана Борисовна, — прошептала я едва слышно.

— Тихо, — так же ответила она.

— Что делать?

— Ничего. Стоять.

— Просто стоять?

— Просто стоять и не делать резких движений.

— А если он сделает резкое движение?

Пауза.

— Тогда Дима.

— Понятно, — прошептал Дима.

Восьмой не делал резких движений.

Он стоял и смотрел на нас с тем выражением, которое я не могла читать — потому что у него не было той мимики, к которой я привыкла. Не было бровей, не было уголков рта, которые опускаются или поднимаются. Только глаза. И эти глаза смотрели — методично, спокойно, как смотрят существа, у которых много времени.

Потом его взгляд переместился.

С меня — на объект одиннадцать.

Они смотрели друг на друга секунды три. Потом объект одиннадцать снова издал свой короткий тихий звук.

Восьмой ответил — тем же низким урчанием, но намного тише, чем раньше. Почти мягко. Если это слово вообще применимо к существу с янтарными глазами и пастью.

— Светлана Борисовна, — прошептала я. — Они разговаривают?

— Похоже на то.

— О чём?

— Этого я не знаю.

— Может, о нас?

— Вика.

— Да.

— Замолчи.

Я замолчала.

Восьмой ещё раз посмотрел на меня. Потом на Диму. Потом на Светлану Борисовну. Задержался на ней дольше всего.

Светлана Борисовна не шелохнулась. Смотрела в ответ спокойно, как смотрят на что-то, что видели уже достаточно раз, чтобы не бояться.

Потом она медленно подняла руку с инструментом — не направила на восьмого, просто показала. Как будто демонстрировала.

Восьмой посмотрел на инструмент. Мне показалось, что его янтарные глаза изменились — стали чуть темнее, что ли. Или это было освещение.

Потом он развернулся.

И пошёл обратно в темноту.

Мы стояли и слушали, как затихают его шаги. Потом — тишина. Потом — знакомый металлический щелчок, который я уже научилась узнавать. Клетка закрылась.

Я выдохнула.

— Он вернулся сам? — спросила я.

— Да, — сказала Светлана Борисовна.

— Почему?

— Потому что испугался.

— Чего?

Она опустила руку с инструментом.

— Меня, — сказала она просто.

Я смотрела на неё несколько секунд.

— Светлана Борисовна.

— Что, Вика.

— Вы... он вас знает?

— Он знает, что я могу сделать с инструментом. — Она убрала его в карман пальто. —

Этого достаточно.

— А что вы можете с ним сделать?

Она посмотрела на меня поверх очков.

— Это вопрос из серии «лучше не знать», Вика.

Я кивнула.

— Хорошо. Не знаю.

Мы вернулись в комнату мониторинга. Светлана Борисовна взяла термос, налила кофе в крышку и сделала глоток с таким видом, как будто последние десять минут не происходило ничего из ряда вон выходящего. Потом посмотрела на экраны.

— Докладывай, — сказала она.
Я открыла планшет.

Доклад занял двадцать минут.

Я рассказала всё — какие клетки открыты, какие объекты в клетках, какие ушли, где видели движение по камерам. Светлана Борисовна слушала, не перебивала, иногда кивала. Кофе у неё закончился на середине доклада, она налила ещё.

— Четыре не найден, — подтвердила я в конце. — Восьмой вернулся. Это всё, что у нас есть точно.

— Хорошо, — сказала Светлана Борисовна.

— Это хорошо? — удивилась я.

— Нет, — сказала она. — Это просто всё. — Она поставила термос. — Теперь будем искать остальных.

— Всю ночь?

— Да.

— Нас трое.

— Вика, я умею считать.

— Я к тому, что семь или восемь объектов на трёх человек это...

— Это работа, — сказала она. — Именно за это тебе платят.

Я хотела напомнить, что мне платят ровно столько же, сколько платили бы в обычном виварии, но решила, что сейчас неудачный момент для переговоров о зарплате.

— Начнём с нижнего технического этажа, — сказала Светлана Борисовна. — Там могут прятаться двое из ушедших — третий и шестнадцатый. Они не опасны, но их сложно поймать в одиночку. Дима — со мной. Вика — следишь за мониторами.

— Я остаюсь здесь?

— Да.

— Одна?

Она посмотрела на объект одиннадцать у меня на плече.

— Не совсем, — сказала она.

— Это не считается.

— По-моему, он с этим не согласен, — заметила Светлана Борисовна.

Объект одиннадцать смотрел на неё большими жёлтыми глазами с видом существа, которое очень даже считается.

— Если что-то появится на мониторах — сразу звонишь, — сказала она. — Если что-то войдёт в эту комнату — не двигаешься и звонишь. Если отключится связь — сидишь на месте и ждёшь нас.

— А если всё сразу? — спросила я.

— Тогда импровизируй.

— Это плохой инструктаж.

— Это честный инструктаж. — Она взяла термос. — Дима, идём.

Дима кивнул и пошёл за ней. В дверях Светлана Борисовна обернулась последний раз.

— Вика.

— Да.

— Не паникуй.

— Я не паникую.

— Ты паникуешь. Просто тихо. — Она посмотрела на меня секунду. — Это правильная реакция. Но постарайся всё равно.

Дверь закрылась.

Я осталась одна.

Точнее, с объектом одиннадцать.

Точнее, с объектом одиннадцать и двадцатью тремя мониторами, на семи из которых в данный момент что-то двигалось.

Я медленно повернулась к экранам.

Объект одиннадцать переполз с плеча мне на голову — своё любимое место — и тоже устался в экраны.

— Слушай, — сказала я ему вполголоса. — Ты хоть понимаешь, что там происходит?

Он не ответил. Но одна из восьми лап легонько похлопала меня по макушке.

— Отлично, — сказала я. — Работаем.

Я придвинула стул поближе к столу, взяла планшет и начала методично смотреть в мониторы. Один за другим. Левый верхний угол — движение. Третий объект вышел из клетки и сейчас изучал вентиляционную решётку у потолка. Я сделала пометку.

Центральный нижний — тишина. Пустой коридор.

Правый средний — стоп.

Я наклонилась к экрану.

На правом среднем мониторе — камера у запасного выхода из корпуса «Б» — что-то было. Не внутри коридора. Снаружи. У двери.

Я прищурилась. Ночная камера давала плохое изображение, зернистое, с низким контрастом. Но я видела достаточно, чтобы понять: у запасного выхода кто-то стоял.

Не объект.

Человек.

Я взяла телефон и набрала Светлану Борисовну. Три гудка. Четыре.

— Что? — ответила она коротко — слышно было, что занята.

— На камере у запасного выхода человек, — сказала я.

Пауза.

— Снаружи?

— Да.

— Один?

— Насколько вижу — да.

— Описание?

Я снова наклонилась к монитору. Качество изображения было отвратительным. Тёмная куртка. Высокий. Стоит неподвижно лицом к двери.

— Высокий, тёмная куртка, — сказала я. — Стоит и смотрит на дверь. Не пытается войти, просто стоит.

— Сколько?

— Я только что заметила.

— Наблюдай. Никуда не выходи. Я перезвоню.

Она отключилась.

Я смотрела на монитор.

Человек у двери не двигался. Просто стоял. Я не могла видеть лица — он стоял чуть под углом, и разрешение камеры не позволяло. Но что-то в его позе было странным. Не угрожающим — просто странным. Как будто он ждал. Терпеливо, методично, как человек, которому некуда торопиться.

Объект одиннадцать на моей голове перестал двигаться.

Все восемь лап сжались одновременно.

Сильно.

— Ты его видишь? — прошептала я.

Объект одиннадцать смотрел в монитор.

И тихо издал звук, которого я раньше от него не слышала. Не тот, которым он разговаривал с восьмым. Другой. Низкий, предупреждающий.

Почти как предостережение.

Человек у двери наконец пошевелился. Медленно повернул голову — прямо в сторону камеры. Как будто знал, где она.

Я не успела рассмотреть лицо — изображение было слишком плохим.

Но я успела увидеть одно.

Он улыбался.

Широко. Слишком широко для ночи, для закрытой территории, для человека, который стоит у двери секретного института в час ночи и смотрит в камеру.

Мой телефон завибрировал.

Я схватила его, не отрывая взгляда от монитора.

Сообщение от Светланы Борисовны:

«Дверь не открывай. Никому».

Я подняла взгляд.

На мониторе у запасного выхода человека уже не было.

Просто пустая дверь.

Тёмный коридор за ней.

И ощущение, которое осталось даже после того, как изображение стало снова пустым, — что он не ушёл. Что он просто вышел из кадра.

Объект одиннадцать медленно, очень медленно убрал лапы с моей головы.

Переполз обратно на плечо.

Прижался плотнее.

— Да, — сказала я тихо. — Я тоже так думаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.